

Император никак не мог понять, чтостряслось с его Чжаои. Вчера вечером всё было хорошо, а с утра тот стал встречать его холодным взглядом. Красавец собрал волосы, воткнул любимую золотую шпильку и, волоча за собой полы тёмно-зелёного платья, направился к колыбели — убаюкивать своего сына.

Император мрачно взглянул на слугу. Тот, покрываясь холодным потом, тихо шепнул ему на ухо: утром приходила Госпожа Жунхуа, и Красавец вернул ей сына императора. Император пришёл в ярость. Он не раз приказывал всем наложницам не являться в Западный дворец — даже императрице. Сидят себе смиренно в своих покоях — и он не будет их обижать.

Госпожу Жунхуа император наказал — заточил в её же покоях до конца дней. Красавец, наблюдая, как брат отдаёт слуге устный указ, холодно думал: до чего же бессердечен и эгоистичен его брат.

Императору же было не до того. Теперь он думал лишь о своём благоденствии. Во дворце не осталось никого, кто мог бы его запугать, брат снова рядом — он лелеял надежду вернуть ту простоту и радость, что были у них в юности, когда они были принцами. Но император — не принц. На нём лежала ответственность. Император, дни напролёт проводящий с Чжаои, прогуливал утренние приёмы, чем вызывал всё большее недовольство сановников. Хотя народ он не обижал, да и к чиновникам относился неплохо, в задворках дворца томились десятки красавиц — дочери и родственницы высокопоставленных особ. Кто же откажется от возможности породниться с императорским домом?

Император просматривал доклады, в которых его увещевали «орошать дождём милости всех равно», дабы умножить потомство и соблюсти баланс между двором и гаремом. Он уставился на грудку бумаг пустым взглядом, потом равнодушно спросил у слуги:

— Почему они всегда давят на меня?

Слуга не смел рассуждать о делах государственных. Император продолжал:

— У всех свои интересы. И все они толкают меня в пропасть. Чем я им не угодил? Почему они вечно решают за меня?

Наставник советовал навещать императрицу — молода ещё, постарайся, поскорее бы наследника. Главнокомандующий просил заглянуть к Госпоже Шу — давно её забросил, вспомни былую привязанность. Министр народного хозяйства выражался прямее: пусть ваше величество каждый день обходит покои, широко закидывает сети — любая наложница, что забеременеет, будет впрок.

О Чжаои никто не заикался. Все хранили молчаливый сговор. Сановники видели ситуацию насквозь, но вслух не высказывались — дворцовые дела, многое там сокрыто, неприлично выносить сор. По совести, император был правителем неплохим, политику вёл куда милосерднее покойного предшественника. Но вот возиться с родным братом, да ещё и вернуть из хунну уже отданного в жертву политике принца, да открыто сделать его своей Чжаои, заниматься таким самообманом... Все сановники испытывали стыд, и в этом вопросе, что удивительно, были единодушны, заняв сторону, противоположную императору.

Хорошо ещё, хунну сейчас воюют между собой, да и Ивэйсе давно помер. Будь Ивэйсе жив, два государства снова бы погрузились в пучину войны. Но даже без внешней угрозы, как может император Великой Хань, государство этикета и церемоний, как может он, благородный муж, взять к себе в постель родного брата, вдовствующую княгиню хунну, и день и ночь его баловать?!

Сановникам было попросту стыдно. Даже говорить на эту тему неловко. Император позорил не только себя — позорил всю династию Хань. Узнай народ, да прознай хунну — и где тогда величие государства? Что подумают простолюдины об императоре, который на словах одно, а на деле другое? Отправку принца в жертву миру народ восхвалял, а теперь, глядишь, того обратно в постель забрали — как же тогда народ станет смеяться над своим правителем?! Какое уж тут лицо императорское? Не достоин он трона!

Сановники старались выражаться как можно деликатнее. Дело-то нешуточное, может, и основы государства поколебать. Вон, хунну войну почти завершили, старший сын Ивэйсе, Фуло, уже почти вытеснил Хуяня к Или. Вернись они с вопросами — как мы хуннам ответим? Мол, наш император, видя, как его братец-вдовушка в хунну мается, а у вас война, взял да на время его к себе забрал, а как закончите — обратно пришлём?

Сановники привыкли к мирной, сытой жизни. С тех пор как принца отправили в жертву миру более четырёх лет назад, хунну замирились, больше не тревожили границы, не гибли на полях сыновья ханьские. Воевать не хотели, боялись. Знатные роды Лояна из кожи вон лезли, тишком уговаривая императора: красавиц в мире — хоть пруд пруди, давайте пойдём на уступки. Вы оставьте принца в покое, а мы в ваши гаремные дела соваться не будем.

Император чувствовал себя будто на раскалённых углях. Одного сановника отравить он мог. Но всех? Или, того пуще, весь народ? Народ его любил, но и он был против него — наверняка тоже жаждал, чтобы брата отослали.

Глубокой ночью император, прижимая к груди поминальную табличку матери, рыдал. Зачем, говорил он, зачем ты сделала меня императором? Зачем отравила наследников покойного императора? Зачем заставила меня страдать? Он с рождения не был наследным принцем — даже несмотря на то, что мать его была любимее прежней императрицы. Покойный император считал его слишком мягким, негодным для великих дел. Его отец, одержимый войной, всю жизнь сражался с хунну, словно не мог пережить унижения вынужденного мира, жаждал во что бы то ни стало доказать своё превосходство над Ивэйсе. Ивэйсе он так и не одолел, зато сам умер от болезни. Старший брат императора, унаследовавший воинственный пыл отца, не успел взойти на трон — его отравила мать.

И вот мать, дрожа от страха, возвела его на престол, а затем принесла в жертву его брата — ради призрачного мира.

Охваченный ужасом в глубине дворцовых покоев, император не рассказал обо всём этом брату. А брат на него обиделся — не только из-за Госпожи Жунхуа, но и из-за его «младшего брата Жуна».

Красавец и впрямь отдалился от императора. Госпожу Жунхуа он ещё как-то переварить мог, но «младший брат» перешёл все границы. От какого-то услужливого слуги, подосланного неизвестно кем, он узнал, что император недавно взял к себе маленького нищего, кормит с одного стола, учит верховой езде, стрельбе из лука, грамоте — прямо как родного брата. Красавец украдкой поглядел на того нищего — тот, оказывается, таился в Западном дворце! — и услышал, как тот радостно спрашивал служанку:

— Сестрица, а братец сегодня придёт?

— Его величество вечером пожалует, — отвечала служанка.

В ту ночь император проплакал, обняв табличку матери, а Красавец прождал его до утра.

Красавец заперся в кабинете и несколько дней не разговаривал с императором. Покормит ребёнка — и сразу в кабинет, читает что придётся: занятные народные сказки, увлекательные жизнеописания, хроники о северных хунну — и тому подобное.

Видеться с императором ему было противно, до тошноты противно. В душе копилось столько слов, за все эти годы накопилось, — но высказать их он не мог, да и не было возможности. В глубине души он всё же таил обиду на брата. Брат заточил его в Западном дворце, и на многое он мог закрыть глаза — на императрицу, на его детей. Но эти люди были живыми, дышали с ним под одной дворцовой крышей. Увидев «младшего брата Жуна», увидев Госпожу Жунхуа, он почувствовал, что сходит с ума. Все эти годы ожидания оказались преданы.

Он ненавидел брата. Ненавидел всех, кто был на него похож. На женитьбу брата на императрице он пытался закрыть глаза. На его гарем — тоже. В конце концов, брат — император. Он знал, что брат изо всех сил старается его защитить. Но тех, кто был на него похож, он вынести не мог. Что это было? Что всё это значило?

Может, и он сам был виноват. Не надо было тосковать по Шаньюю. Не надо было возвращаться к брату, нося в утробе ребёнка. Он тоже нарушил их прежний уговор. Но как брат мог предать его ещё сильнее? Красавцу было больно, горько, а ещё — невыносимо обидно. При мысли о гареме брата его охватывала ярость. Столько красавиц! А он-то среди них кто??

<http://bllate.org/book/16253/1462039>